

Выражение субъективной оценки общефактическим употреблением НСВ в русском языке и его отражение в японских переводах¹⁾

Юрико КАНЭКО

0. Постановка задачи

Грамматикализация и субъективизация представляют собой наиболее распространенные типы семантического развития языковых единиц, обнаруживаемых во многих языках мира. Их взаимосвязь, благодаря развитию когнитивной лингвистики, стала рассматриваться с точки зрения общего направления языковой эволюции, а именно: в процессе грамматикализации активное участие принимает процесс субъективизации (Langacker 1990, Subjectivity 1995). К изучению субъективизации, однако, можно подойти разными путями. Р. Лэнкер, например, обращает особое внимание на отражение дейктических координат в толковании содержания языковых единиц (Langacker 1990). Э.К. Трауготт считает субъективизацией градационный феномен изменения функции языковых единиц. «Субъективизация в грамматикализации» происходит, по ее словам, когда «языковые формы и конструкции, которые в начале выражали конкретные, лексические и объективные значения, подвергаясь повторному употреблению в ограниченных синтаксических контекстах, стали выполнять в большей степени отвлеченную, прагматическую, интерперсональную, связанную с говорящим функцию» (Traugott 1995: 32).

Результаты исследований в области субъективных факторов в языке показали, что субъективное отношение говорящего к объективному миру

---

1) Работа выполнена при финансовой поддержке МEXT Kakenhi, грант №21720133.

выражается в разных уровнях языка, не только в лексике, но и в грамматике (уже не говоря о внеязыковом уровне). В грамматических категориях это выражение в первую очередь связано с категорией модальности вообще и ее составляющей сферой оценочной модальности в особенности (Плунгян 2000: 308-312), хотя и не ограничивается ею. Нас интересует именно взаимодействие аспектуальной и оценочно-модальной категорий в сравниваемых языках. В данной работе мы сосредоточимся на особых случаях, когда для выражения субъективной оценки говорящего употребляется НСВ в общефактическом значении. Наша задача заключается в выяснении взаимных отношений между аспектуальными значениями НСВ и их производными субъективно-оценочными значениями, иными словами, в поисках ответа на вопрос, в чем, собственно, лежит источник проявления модальных компонентов в аспектуальной системе языка (в частности русского языка). С целью сопоставительного анализа мы будем рассматривать русскоязычный материал и его японские переводы.

1. Выражение субъективной оценки употреблением НСВ

Проявление особых модальных значений и выражение субъективно-оценочного отношения говорящего к действию часто обсуждаются в связи с некоторыми типами употребления НСВ в вопросительных высказываниях²⁾. Посмотрите следующие примеры:

(1а) *Кто включил^{PF} телевизор?*

(1б) *Кто включал^{IPF} телевизор? Опять его забыли выключить!*

(2а) *Где вы учились^{IPF}?*

(2б) *Где вы учились^{IPF}? Вы не знаете элементарных вещей!* – пример

---

2) Общеизвестно, что употребление разных видовых форм в императиве передает различные оценочно-модальные значения (в том числе и прагматические эффекты вежливости/грубости), ср. *Зайди^{IPF} ко мне завтра!* – *Заходи^{IPF} ко мне завтра!* В данной работе мы не будем касаться этой темы.

И.Б. Шатуновского

(3а) Кто **написал**^{PF} эту статью?

(3б) Кто **писал**^{IPF} эту статью? Там есть интересные мысли! – пример

И.Б. Шатуновского

(4а) Так на кой черт ты **пришел**^{PF} после этого! (Ф. Достоевский.

Преступление и наказание).

(4б) Зачем же ты **приходил**^{IPF} после этого, черт? (там же)

В данных выше примерах, кроме примеров (4а-4б), вопросы с пометкой (а) понимаются как нейтральные, цельные вопросы, а вопросы с пометкой (б) передают особое прагматическое намерение говорящего и они окрашены субъективной оценкой. Кроме вопросов (2а-2б) нейтральными считаются вопросы с употреблением СВ, а модально маркированными – вопросы с употреблением парного НСВ. При этом глагол *учиться*, употребляемый в примерах (2а-2б), в данном значении не является предельным глаголом и не образует видовую пару. Поэтому одинаковый вопрос функционирует в обеих ситуациях. Безусловно, возникает вопрос: разве эти модальные значения в примерах (б) не выражаются именно последующим за вопросом дополнительным высказыванием или эмоционально окрашенной лексикой? Ответ положительный, но не только это. Спецификой вопросов (б), однако, является их не-цельность высказывания, и они по структуре требуют дополнительную информацию (об этом речь пойдет в следующем разделе). Что касается примеров (4а-4б), приведенных из художественной литературы, в обоих случаях уже лексически выражается эмоциональная, негативная оценка говорящего, хотя и сохраняется различная степень участия видовых форм в семантическом устройстве высказывания.

Когда выражается субъективная оценка, то обычно речь идет о негативных эмоциях говорящего к сообщаемому действию, таких, как недовольство, порицание или упрек, см. примеры (1б, 2б, 4б)³⁾. Оценка,

однако, может быть и положительной, например, одобрение и похвала, как в примере (36) (Шагуновский 2009: 188). Вопрос о том, почему сравнительно чаще выражается (или отмечается в литературе) именно отрицательная оценка, мы пока не будем рассматривать⁴⁾. Исходя из вышеуказанных примеров, однако, представляется, что употребление глагола НСВ само по себе напрямую не связано с определенной субъективной оценкой говорящего. Эта оценка выражается во взаимосвязи между вопросительной структурой с НСВ и другой конкретной результативной ситуацией, или последствиями действия, названного глаголом НСВ. Дискурсионная незаконченность НСВ, играющая здесь ключевую роль для выражения субъективной оценки, исходит из аспектуальной граммы НСВ. Рассмотрим это подробнее в следующем разделе.

2. Общефактическое значение НСВ и его развитие к выражению оценочной модальности

Значение НСВ в предыдущих примерах считается производным от общефактического значения НСВ, которое конкурирует с конкретно-фактическим значением СВ. При этом выбор той или иной видовой формы, в прототипических случаях употребления общефактического значения, зависит от различных аспектов действия, на которые обращено внимание говорящего, и не сопровождается оценочно-модальными значениями как в следующих примерах:

---

3) В работе (Шелякин 2004) представлен целый список семантических областей, в которых та, или иная видовая форма в инфинитиве употребляется абсолютно/предпочтительно. Интересно отметить, что употребление инфинитива НСВ наблюдается в тех случаях, когда говорящий отрицательно оценивает действие (*А чего вам его искать?; Я его терпеть не мог; Не ночевать же нам здесь?; Где уж мне с ним спорить? Курить вредно; Стидно плакать.*)

4) Ориентация говорящего на определенные аксиологические полюсы, «хорошо» или «плохо», на наш взгляд, не приписывается самому употреблению НСВ. Подобное высказывание типа *Кто варил^{IPF} эти макароны?* может относиться к положительным последствиям (*Они очень вкусные!*), а также к отрицательным (*Они все переварены!*). О возможных источниках отрицательной оценки см. (Князев 2007: 90-95).

(5а) *Вы прочитали*^{PF} «Войну и мир»?

(5б) *Вы читали*^{IPF} «Войну и мир»?

При употреблении СВ в фокусе внимания говорящего находится лишь факт достижения предела действия (т.е. результат действия, конечная фаза действия), тогда как, употребляя НСВ в общефактическом значении, говорящий задает вопрос, имело ли место названное действие как таковое когда-нибудь, хоть один раз («общефактическое экзистенциальное значение НСВ» по терминологии Е.В. Падучевой – Падучева 1996: 43-44)⁵. Иными словами, при употреблении НСВ говорящий рассматривает действие в более широком ракурсе. С этим также связаны различные отношения той или иной формы к пресуппозиции высказывания, т.е. к предзнанию говорящего о сообщаемой ситуации. Вопрос с формой СВ в примере (5а) не касается пресуппозиций типа намерения, ожидания, долженствования субъекта, и они однозначно включены в смысл предложения (*Вы прочитали*^{PF} «Войну и мир»? – ‘я предполагаю, что вы прочитали; я знаю, что вы должны / планировали его прочитать’). В случае НСВ, в примере (5б), под вопросом находится и пресуппозиция (*Вы читали*^{IPF} «Войну и мир»? – ‘я ничего не предполагаю, просто спрашиваю, читали вы или не читали эту книгу’) (Падучева 1996: 54-55, Грекова 1998: 135). “Открытая” пресуппозиция, свойственная НСВ, естественным образом сочетается с характерными для НСВ признаками дискретности (т.е. способность делить действие на разные части) и неопределенности представления действия. Отношение открытой пресуппозиции к признаку дискретности можно объяснить тем, что предзнание о действии как таковом скорее относится к начальному или предварительному этапу его совершения, который не находится в фокусе внимания говорящего в

---

5) Следовательно, многие исследователи считают семантической основой общефактического значения НСВ именно присущее НСВ значение повторяемости (Рассудова 1968: 26, Падучева 1996: 39, 43; Шатуновский 2009: 143).

случае употребления СВ. Признак неопределенности представляет суть самого названия «общефактического» употребления НСВ, который в видовой оппозиции русского языка выполняет номинативную функцию («‘naming’ function» для выражения «simple denotation» – Forsyth 1970: 82-84), что естественно связано со статусом НСВ как немаркированного члена видового противопоставления⁶⁾.

От экзистенциального типа общефактического НСВ – пример (56) – отличается употребление НСВ в примерах (16, 26, 36, 46) тем, что в последних случаях речь идет о уже явно имеющем место в прошлом конкретном, единичном действии. Данный тип употребления НСВ называет Е.В. Падучева «акциональным употреблением / значением НСВ» (Падучева 1996: 48-52). В акциональном употреблении НСВ существование действия само собой разумеется, а фокус внимания говорящего направлен на выяснение более подробных обстоятельств осуществления действия, и его интерес в большинстве случаев эксплицитно выражается вопросительными местоимениями типа где, когда, кто, зачем (Рассудова 1968: 37)⁷⁾. Дополнительные модальные значения и выражение субъективной оценки говорящего характерны именно для подобного рода употребления НСВ. По словам Е.В. Падучевой «это закономерно, поскольку переключение внимания на деятельность позволяет сосредоточиться на ее мотивах и оценках» (Падучева 1996: 57).

В связи с этим различные отношения СВ и НСВ к пресуппозиции высказывания, о чем мы выше упомянули, здесь играют большую роль. Цитирую И.Б. Шатуновского: «СВ вопрос спрашивается ПОЧЕМУ-ТО (в ПРЕДШЕСТВУЮЩЕМ дискурсе / картине мира есть основания предложить,

---

6) «Если система частных значений СВ имеет компактную моноцентрическую структуру, то семантическая сфера НСВ отличается структурой диффузной, слабо центрированной. Диффузность проявляется и в нечеткости границ между отдельными значениями» (Бондарко 1997/2001: 9)

7) Некоторые исследователи рассматривают данный тип употребления НСВ в рамках общефактического значения (Падучева 1996, Шатуновский 2009), а другие – отдельно от него (Рассудова 1968, Forsyth 1970).

что это имеет место, и тем самым задать вопрос)», тогда как в случае общефактического значения «НСВ вопрос спрашивается для ЧЕГО-ТО: для того, чтобы установить логические связи с ПОСЛЕДУЮЩИМ (в норме) элементом дискурса» (Шатуновский 2009: 185). Поэтому, без дополнительного описания ситуации, на которой основан вопрос с акциональным типом НСВ, высказывание создает впечатление незаконченности (Шатуновский 2009: 185-188, см. также Forsyth 1970: 88). Смысловой комплекс, или «единый дискурсивный “блок”» (термин И.Б. Шатуновского), образуемый акционально-общефактическим НСВ, может быть мотивирован намерением говорящего что-то узнать (*Кто **покупал**^{IPF} творог на рынке? Сколько он стоит?*), а может быть обоснован его желанием «осудить или похвалить автора данного действия за совершенное им действие (в зависимости от его результатов), выразить эмоциональную оценку (результатов) этого действия» (Шатуновский 2009: 187).

Перед отчетливой картиной результативной ситуации употребление НСВ является интенциональным со стороны говорящего формальным “отклонением” от СВ, который служит более нейтральным показателем результативности. Эта прагматически мотивированная языковая стратегия с использованием НСВ обеспечивает говорящего в большей степени субъективной интерпретацией денотативной ситуации. В подобного типа высказываниях играет более важную роль коммуникативная перспектива говорящего, чем указание на аспектуальные характеристики действия (Борисова 1997: 19). Другими словами, говорящим возможно подчеркнуть интересующий его аспект действия только с помощью общефактического употребления НСВ, значение которого отражает “слабую” позицию в граммеме НСВ (Князев 2004: 115-116, 2007: 75-78).

3. Отличие и сходство между русскими НСВ-СВ и японскими простыми формами глагола

Перед тем, как приступить к рассмотрению отражения общефактического значения НСВ в японских переводах, необходимо отметить принципиальные различия между сравниваемыми языками в отношении аспектуальных форм к аспектуальным значениям.

Простые формы глагола на *-ру* (маркер настоящего-будущего времени) и на *-та* (маркер прошедшего времени, его алломорф *-да*) в аспектуальной системе японского языка, будучи немаркированными, служат способом представления действия в наиболее обобщенном виде. Их семантический диапазон очень широк и они в зависимости от семантики глагола и контекста могут обозначать процесс, состояние, событие, а также употребляются в актуальном и потенциальном планах (например, для выражения повторяющегося действия). В актуальном плане данные формы предельных глаголов могут обозначать 'достижение предела действия', составляя при этом наиболее яркое противопоставление одной из аспектуально маркированных аналитических форм на *-тэ иру* в ее актуально-длительном значении. Следовательно, простые формы японских глаголов имеют определенное сходство с обеими видовыми формами русского языка. С одной стороны, мы видим сходство японских простых форм глаголов с русским НСВ в их общей немаркированности внутри аспектуальной категории отдельного языка и тем самым в выполняющей ими номинативной функции представления действия в языке. С другой стороны, японские формы похожи на русский СВ тем, что оба выражают аспектуальное значение достижения предела.

В связи с этим отметим еще не менее важный момент. В результате сопоставительных исследований между японским и европейскими языками в частности английским и русским стало ясно, что значение 'достижения предела' и вообще идея 'предела' японскими глаголами

выражаются сравнительно слабо. Из этого можно предположить, что в русском и японском языках на представление динамических явлений влияют разные семантические доминанты: именно в русском языке доминирует идея предела как временной границы действия (Петрухина 2003), тогда как в японском языке – идея стабильности ситуации как временной континуум, а идея предела в японском языке выражается рецессивно (Канеко, Петрухина 2004, Канэко 2005). Эта общая тенденция оказывает влияние на структурирование аспектуальной категории сравниваемых языков, а также отражается в образовании текста. Их лингвоспецифичная особенность лежит в основе нашего дальнейшего изложения, хотя с этим непосредственно не связано выражение субъективно-оценочных значений, которое нас интересует.

4. Выражение общефактического значения НСВ в зеркале японских переводов

При переводе на японский язык выше приведенных русских примеров, в которых реализуются разные типы общефактического значения НСВ, их особые значения, а также проявляющееся в некоторых случаях соотношение аспектуальной и оценочно-модальной категорий передаются различными способами. Для экзистенциального типа употребления НСВ в японском языке имеется специальная синтаксическая структура со значением экзистенциального перфекта *V-ta*^{PST} *кото*^{дело} *га*^{NOM} *ару*^{быть} (букв. ‘имеет место факт, что V^{PST}). Например:

(5а) *Вы прочитали*^{PF} «Войну и мир»?

(5а') «Сэнсо: то Хэива» «Война и мир» *ва*^{TOP} /*о*^{ACC} *ёми-маси-та*^{читать-ADR-PST} *ка*^{Q?}

(5б) *Вы читали*^{IPF} «Войну и мир»?

(5б') «Сэнсо: то Хэива» «Война и мир» *ва*^{TOP} /*о*^{ACC} *ён-да*^{читать-PST} *кото*^{дело} *га*^{NOM}

ари-мас-у^{быть-ADR-PRS} *ка*^{Q?}

Необходимо учесть следующее. Структура экспериенциального перфекта – пример (5б') – служит специальным средством для выражения данного значения и только этого значения, поэтому она не употребляется для перевода других значений НСВ. Употребляемая в примере (5а') простая форма глагола прошедшего времени (маркер *-да*), наоборот, эксплицитно не передает значение СВ. Ассертивный компонент значения 'достижения предела' русского СВ в японском переводе не выступает на первый план, и в данном ограниченном тексте остается лишь одним из возможных вариантов интерпретации. К тому же, данный перевод (5а') может и относиться к русскому предложению (5б') и служить косвенным способом спросить адресата, имело ли место названное действие. Разница между семантической определенностью русского СВ (5а) и неопределенностью интерпретации японского соответствия в примере (5а'), как мы объясняли в предыдущем разделе, заключается в разном статусе употребляемых форм в аспектуальной категории того или иного языка, а также в разной степени значимости обозначения 'предела' в сравниваемых языках.

Оба экзистенциально-общефактическое употребление русского НСВ и японская структура экспериенциального перфекта, в прототипических случаях (в примерах 5б-5б'), не передают субъективную оценку говорящего, следовательно, дальше мы не будем их касаться.

5. Выражение субъективно-оценочных значений НСВ в зеркале японских переводов

Выражение субъективно-оценочных значений наблюдается, как мы видели в примерах (1б, 2б, 3б, 4б), в случаях акционального употребления НСВ, в которых более острым становится конкуренция видов НСВ и СВ.

Забегая вперед, отметим, что оценочно-модальные значения, выражаемые вместе с обязательным участием НСВ, в японском языке не касаются замены глагольными формами (т.е. простая форма прошедшего времени на *-та* остается). Это можно было бы объяснить следующим образом. Как было отмечено в разделе 2, обозначение субъективной оценки является эффектом прагматической стратегии интенционального со стороны говорящего игнорирования результата, и замена формами переходит от маркированного СВ к немаркированному НСВ. Употребление НСВ гарантирует его свойство, которое позволяет говорящему интересоваться разными аспектами действия в том числе и презумпциями высказывания. Это, в конечном счете, отражает статус НСВ как немаркированный член видовой оппозиции русского языка. Следовательно, в японском языке употребляемые немаркированные простые формы глагола не могут служить основанием для рождения подобного эффекта, который дает замена СВ на НСВ.

Похожий прагматический эффект может вызывать перемещение смыслового акцента на вопросительные слова с помощью лексической, контекстуальной поддержкой, эмоциональной интонацией и т. п. (последний аспект обязателен). Возможные переводы следующие:

(1a) Кто **включил**^{PF} телевизор?

(1a') Дарэ^{кто} га^{NOM} тэрэби^{телевизор} о^{ACC} цукэ-маси-**та**^{включать-ADR-PST} ка^Q?

(1б) Кто **включал**^{IPF} телевизор? (Опять его забыли выключить!)

(1б') Иттаи^{же} дарэ^{кто} га^{NOM} тэрэби^{телевизор} о^{ACC} цукэ-**та**^{включать-PST} н^{NML}

дэс-у^{COP.ADR-PRS} ка^Q?

(2a) Где вы **учились**^{IPF}?

(2a') Докодэ^{где} бенкё:си-маси-**та**^{учиться-ADR-PST} ка^Q?

(2б) Где вы **учились**^{IPF}? (Вы не знаете элементарных вещей!)

(2б') Маттаку^{в.самом.деле} докодэ^{где} бэнкё:си-**та**^{учиться-PST} н^{NML} дэс-у^{COP.ADR-PRS}

ка^Q?

(3a) Кто **написал**^{PF} эту статью?

(3а') Дарэ^{кто} га^{NOM} коно^{этот} ромбун^{статья} о^{ACC} каки-маси-**та**^{писать-ADR-PST} ка^Q?

(3б) Кто **писал**^{IPF} эту статью? (Там есть интересные мысли!)

(3б') Дарэ^{кто} га^{NOM} коно^{этот} ромбун^{статья} о^{ACC} каи-**та**^{писать-PST} да^{NML}
дэс-у^{COP.ADR-PRS} ка^Q?

(4а) Так на кой черт ты **пришел**^{PF} после этого! (Ф. Достоевский.
Преступление и наказание).

(4а') Дзя^{ну}, нандаттэ^{зачем.же} кими^{ты} ва^{TOP} кокоэ^{сюда} ки-**та**^{прийти-PST} да^{NML}
да^{COP.PRS}? (перевод Т. Эгава)

(4б) Зачем же ты **приходил**^{IPF} после этого, черт? (Ф. Достоевский.
Преступление и наказание).

(4б') Сорэнара^{тогда} нандэ^{зачем} вадзавадза^{специально} яттэки-**та**^{прийти-PST} да^{NML}
да^{COP.PRS}? (перевод Т. Эгава)

Во всех примерах с пометкой (а') кроме примера (4а') представлены более нейтральные вопросы и никакой коннотации нет со стороны спрашивающего человека. Вопросы с пометкой (б'), наоборот, передают особые нюансы субъективности и эмоциональную оценку. Перемещение акцента высказывания на более интересующий говорящего член предложения подчеркивается лексическими средствами типа *иттаи* – 'же', в данном случае 'кто же' (1б'), *маттаку* – 'совершенно (не понятно)' (2б'), и в обоих случаях выражена отрицательная оценка говорящего. Японские переводы примеров (4а-4б, 4а'-4б') ориентированы на описание эмоционального состояния персонажа, окрашены экспрессивной, осудительной оценкой говорящего, и являются почти синонимичными.

Особый интерес, однако, вызывает факт, что при переводе вопросов (б') на японский язык наиболее подходящим, по всей видимости, является употребление концовки *-но да* (варианты *-н да/н дэсу*), состоящей из маркера субстантивации *но*^{NML} и связки *да*^{COP}. Она употребляется в обоих переводах (4а') и (4б'). При этом употребление *-но да* не вносит изменения в логический план внутренней структуры описываемого

события, и в данном смысле нет разницы между выражениями с концовкой и без нее. По мнению большинства исследователей, эта концовка выполняет объяснительную функцию (Alfonso 1966, Куно 1973 и мн. др.). Говорящий, на основе определенной пропозиции, по своему умозаключению “открывает” взаимоотношения между данной пропозицией (P) и связанным с ним другим аспектом положения дел (Q) и объясняет «обстоятельства (Q) на фоне (P)» (Таномура 1990). Например: *Карэ^{он} ва^{TOP} кё^{сегодня} ко-наи^{прийти-NEG.PRS} ё^{PRT}. Кадзэ^{простуда} о^{ACC} хий-та^{схватить-PST} н^{NML} да^{COP.PRS}*. – ‘Сегодня он не придет. Простудился’. В вопросительных и отрицательных предложениях употребление *-но да* позволяет говорящему распространить сферу действия вопроса / отрицания на отдельные части предложения (Куно 1983: 117-146). Разница между вопросами с данной концовкой и без нее типа *Дарэ^{кто} га^{NOM} ик-у^{пойти-PRS} ка^Q?* и *Дарэ^{кто} га^{NOM} ик-у^{пойти-PRS} но^{NML} да^{COP.PRS}?* ‘Кто пойдет?’, по мнению К. Садзи, отражает различие в содержании презумпции. В первом случае под вопросом находятся действие (пойти) и его субъект (кто), тогда как во втором случае осуществление действия (пойти) считается уже достоверным фактом и вопрос относится лишь к вопросительному местоимению (кто) (Садзи 1991: 206-207).

Проблематике вокруг структуры *-но да*, широко встречающейся в японской речи, посвящены многочисленные работы, хотя немало вопросов остается нерешенными (см. Таномура 1990, Идзима 2010; на русском языке, Басс 2004). Не углубляясь в дискуссионных моментах данной проблематики, мы лишь отметим следующее. В русских примерах и их японских переводах центр внимания говорящего направлен не на аспектуальные характеристики действия как таковые, а на другие более важные для говорящего детали обстоятельств при осуществлении действия: это могут быть составные части действия (внутри действия), могут быть связанные с ним отдельные ситуации, в том числе и

последствия (за рамками действия). Такое обобщенное, расширенное представление действия делает возможным, по нашему мнению, номинативная функция языковых выражений. В русском языке эту функцию выполняет общефактическое употребление НСВ, а в японском языке, в качестве одного из вариантов, – специальная структура *-но да*, которая реализует субстантивацию предикации⁸⁾.

6. Выводы

Мы не сможем сделать окончательный вывод на основе столь ограниченного нашего материала. Однако выражение субъективного отношения к объективному миру, передаваемого употреблением НСВ в рассмотренных нами случаях, теснейшим образом связано со свойственными данной форме видовыми характеристиками. Дискретность и неограниченность пределом НСВ позволяют говорящему направить внимание на обстоятельства действия, а также расширить его поле зрения на предварительный этап осуществления действия (до действия), также на вызывающие действием последствия (после действия). При этом выражение субъективной оценки является особым случаем конкуренции видовых форм между конкретно-фактическим значением СВ и общефактическим значением НСВ. В таких конкурентных случаях, как отмечено А.В. Бондарко, все же сохраняется четкое различие между значениями СВ и НСВ (Бондарко 1971: 42). При взаимозамене формами, по словам А.М. Пешковского, происходит «полное противоречие между значением формы и РЕАЛЬНЫМИ УСЛОВИЯМИ РЕЧИ», и это противоречие он объясняет тем, что «реальные условия часто ГАРАНТИРУЮТ верное

---

8) С. Ёсида отмечает, что содержание высказывания, подвергающееся субстантивации с помощью *но*, перестает быть «предложением как таковым», а становится «материалом предложения», достоверной «частью знания», существующей самостоятельно еще до образования предложения (Ёсида 2000: 20).

понимание и у говорящего является желание воспользоваться формальным значением как чистой ФОРМОЙ, сознательно наложить определенный ОТТЕНОК на неподходящее для него содержание» (Пешковский 1938/2001: 207-208). Таким образом, при результативной ситуации употребление НСВ не только не теряет свое аспектуальное значение, а наоборот, демонстрирует особо ярко свою сущность. В этом можно видеть источник проявления экспрессивной субъективной оценки.

Изначально поставленная автором цель работы была немного другая – рассмотреть в сопоставительном плане случаи выражения субъективно-оценочных значений аспектуальными формами русского и японского языков и выяснить различия в взаимоотношениях аспектуальной и оценочно-модальной категорий сравниваемых языков. Это потому, что когда речь идет о выражении субъективно-оценочного отношения говорящего к действительности, в русском языке обычно обсуждают особое употребление НСВ, а СВ реже. В японском языке в связи с аспектуальными и оценочно-модальными значениями рассматриваются некоторые аспектуально релевантные аналитические формы в том числе и форма на *-тэ симау*, которая считается одним из эксплицитных способов выразить значение ‘достижение предела действия’ (Канэко 2010). Из-за ограниченности объема мы не смогли включить анализ данной японской формы.

В процессе сопоставительного анализа общефактического НСВ и его японских переводов, однако, обнаружился новый интересный факт, именно смысловое сходство акционально-общефактического НСВ с японской концовкой *-но да*. Концовка, однако, сочетается с любым типом предикации, и даже в сочетании с глагольным предикатом кажется, на первый взгляд, ничем не связанной с аспектуальной сферой. К тому же, она никаких семантических соответствий не имеет с русскими видовыми формами (см. русские переводы данной концовки в работе (Басс 2004)). На самом деле все гораздо сложнее. Проблематика выходит за рамки

одной аспектуальной категории и требует дальнейшее более тщательное исследование. Тем не менее, данная модель субстантивации предикации и ее частотное употребление в японском языке не противоречили бы представлению о том, что феноменологический взгляд на мир присущ японскому языку в значительно большей степени, чем русскому языку (Kaneko, Petrukhina – в печати).

Список сокращений

ACC = аккузатив	ADR = адрессив	COP = связка
IPF = имперфектив	NEG = негатив	NML = субстантиватор
NOM = номинатив	PF = перфектив	PRS = настоящее-будущее время
PRT = частица	PST = прошедшее время	
Q = вопросительная частица	TOP = маркер топика	

Литературный источник

Достоевский, Ф. М. *Преступление и наказание*. 1866. –日本語訳: 江川卓 (Эгава, Т.). 『罪と罰 (上)』東京:岩波書店, 2007(1999).

Литература

Басс, И.И. *Проблемы современного японского языкознания: Лингвистика текста*. СПб.: СПбГУКИ, 2004.

Бондарко, А.В. *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение, 1971.

Бондарко, А.В. О системе анализа семантики глагольного вида (на материале русского языка). *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Т.1. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2001 (1997). С.6-18.

- Борисова, Е.Г. Проблема выбора вида (прагматическая точка зрения). *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Т.3. М.: Изд-во МГУ, 1997. С.18-26.
- Грекова, О.К. О собственно аспектуальной, модально-аспектуальной и модальной семантике видового противопоставления. *Типология вида*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С.134-145.
- Канэко, Ю. *Начинательность в системе аспектуальных значений в русском языке в сравнении с японским языком. Опыт сопоставительного анализа языковых картин мира*. КД. Токио, 2005.
- Канэко, Ю. Отношение к пределу глагольного действия в японском языке в сопоставлении с русским. *Антропология языка*. Вып.1. М.: Флинта : Наука, 2010. С. 58-80.
- Канеко Ю., Петрухина Е.В. Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира). *Вопросы языкознания*. 4. 2004. С.19-33.
- Князев, Ю.П. Сильные и слабые позиции видового противопоставления. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Т.4. М.: МАКС Пресс, 2004. С.108-118.
- Князев, Ю.П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Падучева, Е.В. *Семантические исследования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Петрухина, Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской). X Конгресс МАПРЯЛ. *Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов*. Т.1. СПб., 2003.
- Пешковский, А.М. *Русский синтаксис в научном освещении*. 8-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001(1938).
- Плунгян, В.А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.:

Эдиториал УРСС, 2000.

Рассудова, О.П. *Употребление видов глагола в русском языке*. М.: Изд-во МГУ, 1968.

Шатуновский, И.Б. *Проблемы русского вида*. М.: Языки славянских культур, 2009.

Шелякин, М.А. О факторах, влияющих на употребление видовых форм в инфинитиве. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Т.4. М.: МАКС Пресс, 2004. С.281-301.

Alfonso, A. *Japanese language patterns*. Vol.1. Tokyo: Sophia University, 1966. P.404-429.

Forsyth, J. *A grammar of aspect : usage and meaning in the Russian verb*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

Kaneko, Y. and Petrukhina, E.V. Aspectual classes of verbs: universal and idioethnic features (Russian and Japanese) – forthcoming.

Langacker, R.W. Subjectification. *Cognitive Linguistics*. 1. 1990. P.5-38.

Stein, D. and Wright, S (eds.). *Subjectivity and subjectivisation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P.31-54.

Traugott, E.C. Subjectification in grammaticalisation. *Subjectivity and subjectivisation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P.31-54.

井島正博 (Идзима, М.). ノダ文の機能と構造『日本語学論集』6. 2010. P.75-117.

久野 暉 (Куно, С.). 『日本文法研究』東京:大修館書店, 1973.

久野 暉 (Куно, С.). 『新日本文法研究』東京:大修館書店, 1983.

佐治圭三 (Садзи, К.). 『日本語文法の研究』東京:ひつじ書房, 1991.

田野村忠温 (Таномура, Т.). 『現代日本語の文法 I — 「のだ」の意味と用法—』東京:和泉書院, 1990.

吉田茂晃 (Ёсида, С.). 「ノダの表現内容と語性について — 〈ノダ〉は『説明の助動詞』か —」『山邊道』44. 天理大学国語国文学会, 2000. P.17-31.